

Советская и императорская Россия во французских оценках периода непризнания

И. Э. Магадеев

Для цитирования: *Магадеев И. Э.* Советская и императорская Россия во французских оценках периода непризнания // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 3. С. 801–818. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.315>

Статья анализирует представления французских дипломатов и военных о сходствах и различиях между Советским государством и Российской империей в начале 1920-х гг. Основное внимание уделяется дискуссиям представителей Третьей Республики о процессах традиционализации и нормализации советской власти, о степени преемственности внешнеполитических интересов Советского и Российского государства, о континуитете в его социально-экономическом и внутривнутриполитическом развитии. Исследование основано на французских и советских дипломатических документах, материалах Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, документах Исторической службы Министерства вооруженных сил Пятой Республики. Делается вывод, что во французских дипломатических и военных кругах существовали противоречивые суждения о сходствах и различиях между Советской и императорской Россией. Ряд представителей Третьей Республики разделял идеи о своеобразной традиционализации и нормализации Советского государства, о постепенном отходе большевиков от изначального революционного радикализма. Высказывалась мысль об определенной преемственности внешнеполитических интересов Советской и императорской России, а также о том, что даже в новой ипостаси Россия могла сыграть ту международную функцию, которая отвечала французским интересам — выступить восточным противовесом Германии. Вместе с тем дискурс о традиционализации и своеобразном континуитете между Россией до и после Октября 1917 г. соседствовал с подчеркиванием радикальных отличий. Сохранялся тезис о невозможности долгосрочных договоренностей с советской властью, не исчезали надежды на ее последующее падение, а также представление о том, что большевизм является революционным феноменом, от которого нельзя отделить пропаганду и использование недовольства угнетенных народов. Если для одних французских политиков идеи о нормализации советской власти служили аргументом в пользу налаживания осторожного взаимодействия с Москвой, то для других констатация некоторой преемственности между Советской и императорской Россией была пугающей, поскольку они исходили из опасности столкнуться с гибридом революционной идеологии и имперского наследия.

Ключевые слова: СССР, императорская Россия, Франция, 1920-е гг., дипломатические оценки, международные отношения.

Искандэр Эдуардович Магадеев — канд. ист. наук, доц., Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76; <https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>, iskander2017@yandex.ru

Iskander E. Magadeev — PhD (History), Associate Professor, MGIMO University, 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>, iskander2017@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Soviet and Imperial Russia in the French Perception during the Period of Non-Recognition

I. E. Magadeev

For citation: Magadeev I. E. Soviet and Imperial Russia in the French Perception during the Period of Non-Recognition. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 3, pp. 801–818. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.315> (In Russian)

The article aims to examine how the French diplomats and the military evaluated the similarities and differences between the Soviet state and the former Imperial Russia at the beginning of the 1920s. The author focuses on the discussions about the processes of traditionalization and “normalization” of the Soviet regime; about the degree of continuity between the aims of the Soviet foreign policy and those of the Russian state; and on the correlation between the social, economic and political development of the country before and after 1917. The article is based on the published French and Soviet diplomatic documents, as well on the archival evidence from the French diplomatic and military archives and from the Historical service of the French Ministry of Defence. The author concludes that the French perception was controversial. Some analysts and political leaders shared the idea about the traditionalization and “normalization” of the Soviet state; they thought that the Bolsheviks would move away from the revolutionary radicalism of the first post-October years. In these circles, they believed in a certain continuity between the foreign policy interests of the Soviet and Imperial Russia and hoped that the Russian state — whatever the ruling group was inside it — could be an “Eastern counterbalance” to Germany. Nevertheless, there was an alternative discourse. Other French analysts and political leaders underlined the radical differences between the Soviet and Imperial Russia and thought that it was impossible to separate Bolshevism from its revolutionary “nucleus” (propaganda and struggle for colonial liberation).

Keywords: USSR, Imperial Russia, France, 1920s, diplomatic estimates, international relations.

Тема сопоставления Советского государства с Российской империей присутствовала в оценках западных современников уже вскоре после 1917 г. В дальнейшем она была характерна для научных работ зарубежных историков, причем амплуа дипломата-практика и историка-исследователя вполне могли сочетаться в одном человеке, как, например, в случае Дж. Ф. Кеннана. Этот исследователь видел в советском периоде истории не столько разрыв с прошлым, сколько новое воплощение государственных и идеологических традиций, восходящих к идеям Святой Руси и Третьего Рима¹.

Цель статьи — выявить представления, имевшиеся у французских дипломатов и военных в начале 1920-х гг., о сходствах и различиях между Советским государством и Российской империей по ряду параметров. Прежде всего, речь пойдет о следующих вопросах, занимавших представителей Третьей Республики: 1) какие внутренние черты политического и социально-экономического развития Советского государства были связаны с наследием прошлого? 2) насколько революционные идеи большевиков отменяли или трансформировали традиционные направления внешнеполитической активности России? 3) можно ли было просле-

¹ *Rosbach S. The Cold War, the Decline of the West, and the Purpose of ‘Containment’: the Political Philosophy of George F. Kennan // Politics, Order, and History. Essays on the Work of Eric Voegelin. Sheffield, 2001. P. 144–184.*

дить некоторые проявления традиционализации внутренней и внешней политики советской власти уже вскоре после Октября 1917 г.? Анализ этих вопросов призван расширить и углубить понимание того, как ментальные установки французских дипломатов и военных влияли на советскую политику Парижа в начале 1920-х гг., как образ Другого (в данном случае — Советской России в ее сопоставлении с Российской империей) сказывался на практических действиях руководства Третьей Республики в отношениях с Москвой.

Хронологические рамки исследования преимущественно ограничены периодом с января 1920 г. по май 1924 г. — временным отрезком в развитии советско-французского взаимодействия, для которого было характерны разноплановые тенденции. С одной стороны, поскольку победа большевиков в Гражданской войне становилась все более очевидной, наблюдались рост французских представлений о постепенном укреплении советской власти и снижение надежд на ее скорое или немедленное падение. С другой стороны, на протяжении большей части выделенного периода — вплоть до парламентских выборов в мае 1924 г. во Франции, в результате которых сформировалось левоцентристское большинство («Картель левых»), — сохранялось нежелание Парижа идти на официальное установление дипломатических отношений с Москвой. В итоге оно состоялось 28 октября 1924 г.²

Столетний юбилей данного события служит дополнительным стимулом обратиться к теме советско-французских отношений на этапе их становления. Источниковую основу статьи составили опубликованные тома французских и советских дипломатических документов, материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, документы Исторической службы Министерства вооруженных сил Пятой Республики.

В исследовательских работах, которые преимущественно принадлежали перу французских историков и частично затрагивали тему сопоставления Советской и императорской России дипломатами и военными Третьей Республики в межвоенный период, основное внимание уделялось 1930-м гг.³ Разработка указанной проблематики в отечественной историографии с привлечением архивных материалов началась относительно недавно⁴. Французские дипломатические и военные оценки начала 1920-х гг. заслуживают большего внимания не только в силу относительно слабой изученности темы, но и в силу ряда иных причин.

Во-первых, отсутствие официальных дипломатических отношений, недостаток информации о Стране Советов, а также сама новизна исторического феномена в виде Советской России усиливали роль общих теоретических и идеологических установок в представлениях французских властей о большевиках. Немаловажную роль в этом смысле играли поиск исторических параллелей (например, сравнение Российской революции с Французской) и попытки соотнести большевизм с тради-

² Képe С. Русские или большевики? Франция и французы и признание Советского Союза // Россия — Франция: 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 207–215.

³ Vidal G. Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917–1939. Rennes, 2015; Coeuré S. La Grande leueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939). Rééd. Paris, 2017.

⁴ Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: в 2 т. / под ред. А. Ю. Павлова. СПб., 2021; 130 лет франко-русскому альянсу: проблемы и вызовы двустороннего сотрудничества / отв. ред. Ю. М. Галкина. СПб., 2022.

циями исторического развития России⁵. Исследование подобных представлений дипломатов и военных Третьей Республики, помимо интереса *per se*, вписывается в продолжающуюся историографическую дискуссию о сочетании прагматизма и идеологии в отношении западных элит к Советскому государству после Октября 1917 г.⁶

Во-вторых, изучение ранних представлений о традиционализации советской власти позволит точнее ответить на вопрос о том, действительно ли подобный дискурс способствовал нормализации образа СССР в глазах французских элит и вел ли он к постепенному налаживанию отношений⁷.

В-третьих, выбранный период представляет интерес ввиду тех субъектов — французских дипломатов и военных, — о которых пойдет речь. Нередко это были люди, знавшие о Российской империи не понаслышке, а имевшие опыт работы в стране до 1917 г. — опыт, нелишенный, однако, сложности и неоднозначности, даже несмотря на союзный характер тогдашних отношений между Санкт-Петербургом (Петроградом) и Парижем. Анализ воззрений представителей Третьей Республики призван углубить понимание роли личного фактора в российско-французских и советско-французских отношениях на различных этапах их исторического развития. Эта тема продолжает весьма активно обсуждаться в современной историографии⁸.

Общий контекст политики Парижа в отношениях с Советской Россией и его влияние на оценки французских дипломатов и военных

Образ Советской России, существовавший на страницах французских дипломатических и военных документов, был частью концептуального наполнения внешней политики Парижа в отношениях с Москвой. В начале 1920-х гг. эта политика характеризовалась противоречивыми тенденциями. С одной стороны, власти Третьей Республики, как и в 1917–1918 гг., нередко воспринимали большевиков практически в качестве союзников Германии, всячески опасаясь совместных советско-германских действий в Восточной Европе. С другой стороны, в Париже полностью не исключали того, что Советская Россия, постепенно интегрируясь в международные отношения со странами Запада, а также внутреннее эволюционируя, вернется к взаимодействию с Францией на антигерманской основе.

В начале 1920-х гг. многие французские государственные деятели и политики продолжали исходить из того, что «две пострадавшие от войны державы, Германия

⁵ Магадеев И. Э. Российская революция через призму Французской: особенности восприятия революционного кризиса 1917 г. военными и дипломатическими представителями Третьей Республики // 130 лет франко-русскому альянсу. С. 102–119.

⁶ Карлей М. Дж. Тайная война: Запад против России, 1917–1930. М., 2019; Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925 / под ред. А. В. Ревякина. М., 2019.

⁷ Mazu R. Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). Paris, 2002.

⁸ Лавренова А. В. Посредники или авантюристы? Советско-французские контакты в период непризнания (1917–1924 гг.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 12. М., 2017; С. 176–195; Вершинин А. А. СССР и Красная армия глазами военного атташе Франции Э. Мандра. 1933–1934 гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 686–704; Магадеев И. Э. Г. В. Чичерин в оценках французских дипломатов и публицистов (1918–1924) // Российская история. 2022. № 5. С. 147–159.

и большевистская Россия, имеют веские основания для объединения сил в борьбе с победителями»⁹. Следуя тезисам, сформулированным еще осенью 1917 г., МИД Франции (Кэ д'Орсэ) стремился к укреплению центрально- и восточноевропейских государств (прежде всего Польши), рассматривая их в качестве союзников Третьей Республики в тылу Германии, а также как «санитарный кордон» против Советской России¹⁰. Тяжелое наследие прошлого, особенно вопрос о российских долгах Франции, аннулированных советским правительством, а также «отступничество» большевиков, пошедших на сепаратный выход из Первой мировой войны в результате Брестского мира, продолжали оказывать серьезнейшее воздействие как на практику, так и на концептуализацию отношений между Парижем и Москвой. В начале 1920-х гг. образ большевиков как «Брест-Литовских предателей» продолжал фигурировать во французских дипломатических оценках, к нему же апеллировала российская антибольшевистская эмиграция¹¹.

Если восприятие большевиков как союзников Германии стимулировало Париж укреплять «санитарный кордон» во главе с Польшей, то все же последняя нередко рассматривалась как «союзник по замещению», то есть как государство, словно выполняющее прежнюю функцию России, как ее видели в Третьей Республике, а именно функцию сдерживания Германии с Востока¹². В феврале 1923 г. влиятельный французский дипломат, глава Департамента торговых отношений Кэ д'Орсэ Ж. Сейду размышлял о том, что «существование Польши, в нынешнем виде, с трудом совместимо с ситуацией, когда Германия и Россия восстановят свои силы и мощь»¹³. Таким образом, базовые установки советской политики Парижа отличались амбивалентностью, что коррелировало с концептуальной двойственностью при конструировании образа Другого в виде Советской России / СССР.

Представления о традиционализации и нормализации советской власти

Рассмотрение сходств и различий между Советской и императорской Россией французскими современниками было, как правило, частью более широкой дискуссии о том, каким образом воспринимать власть большевиков. Считать ли их иррациональной силой, с которой невозможно договариваться? Рассматривать ли как максималистов, движимых исключительно революционными идеями, или исходить из наличия в их действиях государственной логики, имеющей точки соприкосновения с реальной политикой, как ее понимали в Париже? Подобные дискуссии, завязавшиеся вскоре после Октября 1917 г., отнюдь не были французской

⁹ Ачкинази Б. А. Проблема безопасности Франции после окончания Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2020. Т. 64, № 3. С. 118.

¹⁰ Davion I. Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939 // Revue historique des armées. 2010. No. 260. P. 54–64.

¹¹ Memorandum du Comité national russe, 19 janvier 1922 // Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). Papiers Millerand (118 PAAP). Vol. 67. Fol. 54.

¹² Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances 1926–1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988. P. 8.

¹³ Note de Seydoux, 16 février 1923 // Documents diplomatiques français (DDF). 1923. T. 1. Bruxelles, 2010. P. 247.

спецификой, а волновали государственных деятелей и политиков практически во всех странах¹⁴.

Мысли о росте умеренных настроений среди большевиков, об их некотором отходе от радикальных концепций, тезисы об определенной традиционализации в действиях Советского государства стали появляться во французских дипломатических и военных дипломатических оценках относительно рано. Подобная традиционализация, как правило, не была тождественна идее о том, что большевики ведут развитие страны куда-то в прошлое, к образцу Российской империи. Мысль одного из членов французской военной миссии в Румынии, полковника де Ранти, который в ноябре 1917 г. находился проездом в Москве и полагал, что большевики могут вскоре восстановить в стране монархию, скорее была исключением¹⁵. Подобные иллюзии фиксировали определенную неразбериху в тогдашних французских представлениях о развитии революции в России.

Через год, на фоне победы Антанты в Первой мировой войне и нарастания потока информации о жестокостях большевиков, настрой, доминировавший в материалах 2-го (разведывательного) бюро Генштаба французской армии, продолжал, согласно исследователю, оставаться «тревожным и фантазмагоричным»: «Французские информаторы и агенты описывали зарождавшийся коммунизм как анти-тезу цивилизации, как экспансионизм, несущий хаос и состояние вечной войны в Европу»¹⁶. Подобные суждения о большевиках как варварах, чуме или стихийной силе, последствиями которой становятся разрушение и анархия, встречались и позднее. Так, французский высокий комиссар на Кавказе Д.-А. Шевалли (Шевалье) докладывал из Тифлиса в декабре 1920 г.: «Согласно донесениям серьезного агента, находившегося в Баку в сентябре и октябре, а также согласно информации от французов, вернувшихся оттуда, за шесть месяцев большевики опустошили, разрушили и почти уничтожили один из наиболее процветавших ранее городов Востока... Еще несколько месяцев большевистского господства, и Азербайджан превратится в пустыню»¹⁷.

Тем не менее уже в 1920 г. во французских военных документах присутствовали и другие тезисы. Идеологическое неприятие большевиков соседствовало в подобных материалах с прагматизмом и усложнением представлений о процессах, которые происходили в Стране Советов. В разведывательном бюллетене 2-го бюро Генштаба французской армии от 1 марта 1920 г. высказывалась неординарная по тем временам мысль о том, что даже текущее усиление Советской России может иметь свои плюсы для Франции: «Невозможно спрогнозировать события, но представляется, что усилия Ленина и Троцкого в будущем вполне могут пойти на пользу России»¹⁸. В этой фразе отразилась надежда как на итоговое падение советской вла-

¹⁴ См., например: *Ватлин А. Ю.* Угроза мирового большевизма в оценках МИД Германии, 1918–1919 гг. // Первая мировая война — пролог XX века: в 2 ч. Ч. 1. М., 2014. С. 61–64.

¹⁵ *Vidal G.* Une alliance improbable. P. 26.

¹⁶ *Beneteau A.* Servir les intérêts français en plein chaos révolutionnaire: Étude des attachés militaires en Russie, 1916–1920 // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2018. No. 47. P. 71.

¹⁷ *Chevalley à Leygues*, 17 décembre 1920 // AMAE. Correspondence politique et commerciale. Série Z-Europe, 1918–1940 (117 CPCOM). Vol. 639. Fol. 188.

¹⁸ Цит. по: *Carley M. J.* The Politics of Anti-Bolshevism: The French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920 // The Historical Journal. 1976. Vol. 19, no. 1. P. 173.

сти, так и на то, что Россия в ее некоей будущей ипостаси вновь станет «восточным противовесом» Германии в Европе. Это отвечало интересам Парижа.

В октябре 1920 г. в том же 2-м бюро присутствовали робкие ожидания, что большевизм вступил «на путь эволюции» и отказа от наиболее радикальных социально-экономических идей в целях привлечь на свою сторону крестьянство. Французские военные аналитики полагали, что «эволюция будет намного более заметна в социально-экономической сфере, нежели в сфере политических свобод. Даже после более или менее полного отказа от коммунистических опытов большевистский режим, по всей видимости, останется диктатурой»¹⁹.

Новое усиление нередко взаимосвязанных представлений о традиционализации и частичной нормализации советской власти было заметно в оценках ряда французских деятелей в 1921–1922 гг., в условиях первых лет проведения НЭПа. Мысль бывшего российского посла во Франции, эмигранта В. А. Маклакова, высказанная в апреле 1922 г., о том, что «французы единогласно утверждают, что большевизм не тот, что был», представляется гипертрофированной²⁰. Все же подобные суждения действительно получили некоторое распространение и стали чаще встречаться во французских военных и дипломатических документах²¹.

Уже 3 мая 1921 г. «квалифицированный и надежный информатор» французской военной разведки в Будапеште сообщал о том, что «налицо эволюция большевизма»²². Автор неподписанной записки от 28 января 1922 г. (возможно, глава так называемой Русской службы МИД Франции Ж. Ф. Гренар) подчеркивал, «что лидеры большевиков говорят об изменениях, происходящих сейчас в России, как об изменении тактики. В реальности мы находимся перед новой революцией, не менее серьезной и не менее глубокой, чем в 1917 г. Россия не перестает удивлять мир»²³. Наконец, и французский посланник в Латвии Д. де Мартель, далекий от того, чтобы идеализировать большевиков, в январе 1923 г. склонялся к мысли о том, что советское руководство «эволюционирует в сторону возвращения если не в поступках, то хотя бы на уровне риторики, к капитализму»²⁴.

Важный визит, осуществленный в РСФСР в сентябре — октябре 1922 г. председателем Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, депутатом Парламента и мэром Лиона Э. Эррио, свидетельствовал о попытках налаживания отношений с Москвой²⁵. В случае Эррио (именно его правительство в октябре 1924 г. установило официальные дипломатические отношения с СССР) настрой на наведение мостов во взаимодействии с большевиками соседствовал с рассмотре-

¹⁹ Цит. по: Vidal G. Une alliance improbable. P. 49.

²⁰ Маклаков — Бахметеву, 5 апреля 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: В. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 2 т. Т. 2 / под ред. О. В. Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001. С. 247.

²¹ О других зарубежных оценках НЭПа см.: К 100-летию введения Новой экономической политики в Советской России / под ред. Л. С. Белоусова и др. М., 2022.

²² Попова С. С. «Они готовы возобновить борьбу»: Военное министерство и МИД Франции о белой эмиграции в Венгрии. 1920–1921 гг. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 59.

²³ Note de Service, 28 janvier 1922 // АМАЕ. 118 PAAP. Vol. 67. Fol. 65.

²⁴ Note de 29 janvier 1923 // Journal du général Buat, 1914–1923 / prés. par F. Guelton. Paris, 2015. P. 1331.

²⁵ Лавренова А. В. Поездка Эдуарда Эррио в Советскую Россию в 1922 году (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 57–68; Враг, противник, союзник? Т. 1. С. 540–548.

нием Страны Советов как «новой России»²⁶. В некотором смысле подобная концептуальная рамка позволяла вписать советскую власть в более длинный хронологический ряд российской истории.

Старая и новая международная роль России в Европе

Дискуссии о тенденциях традиционализации и нормализации в действиях большевиков были тесно увязаны со стремлением политиков и военных Третьей Республики вновь обрести в лице России противовес Германии на Востоке Европы. Как правило, подобные представления о реинкарнации стратегической роли Российского государства были характерны для сторонников нормализации отношений с Москвой.

Так, французский левоцентристский политик П. Пенлеве, дискутируя в октябре 1922 г. с Маклаковым по поводу возможного приглашения советских республик на Лозаннскую мирную конференцию, намекал на то, что большевики отстаивают традиционные внешнеполитические интересы России. В личной переписке Маклаков так суммировал точку зрения Пенлеве: «Советы необходимо звать, и приглашение Советов не могло бы быть понято иначе, как пренебрежение к интересам России». По словам Маклакова, французский политик в деликатной форме сказал ему даже, что возражения с его стороны похожи на то, что он более ненавидит большевиков, чем думает об интересах России²⁷. Если исходить из подобной логики, то именно большевики, а не эмигрантские круги выступали выразителями интересов «исторической» России.

Даже в 1923 г., в условиях Рурского кризиса, ознаменованного острым франко-германским противостоянием и новыми опасениями Парижа перед образованием оси Берлин — Москва, на Кэ д'Орсэ сохранялась тенденция размышлять о стратегической роли предполагаемой небольшевистской или глубоко трансформированной России в Европе. В январе 1923 г. глава Управления политических и торговых дел Кэ д'Орсэ граф Э. Перетти делла Рокка убеждал свое руководство в том, что Франции «нужна точка опоры в Европе, которую может дать только российский массив суши». Перетти даже писал о необходимости «союза с русским народом», что отражало сохранявшееся нежелание говорить о союзе с советской властью²⁸.

Примечательными были также формулировки телеграммы Эррио, отправленной наркому Г. В. Чичерину 30 октября 1924 г., через два дня после установления официальных отношений между странами. Председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции стремился вписать этот шаг в более широкий исторический и социальный контекст, словно затеняя значение того исторического разрыва, который знаменовал Октябрь 1917 г.: «Не существует народов, более предназначенных для взаимного понимания, чем французский народ, преисполненный чувства справедливости и братства, и великий русский народ, достойные чувства которого я сам лично имел возможность оценить»²⁹.

²⁶ *Herriot É. La Russie nouvelle. Paris, 1922.*

²⁷ Маклаков — Бахметеву, 7 октября 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 338.

²⁸ Цит. по: *Карлей М. Дж. Тайная война. С. 161.*

²⁹ *Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963. С. 524–525.*

«Новая» Россия в лице СССР во многом продолжала восприниматься Эррио в том стратегическом амплуа, которое французские политики и военные хотели закрепить за ней в прошлом, а также в будущем — быть восточным противовесом Германии. Представление о том, что Франция и Россия будут сдерживать Германию с двух флангов Европы, рассматривалось в Париже как тот вариант «европейского равновесия», который отвечает интересам Третьей Республики. Даже 30 лет спустя, возвращаясь к обстоятельствам признания СССР, Эррио подчеркивал свою веру в альянс Франции и России, который представлялся ему «необходимым элементом для обеспечения равновесия и мира в Европе»³⁰.

Схожими были представления преемника Эррио по партии и будущего главы французского правительства Э. Даладье, а также французского сенатора-центриста А. де Монзи. В период непризнания Советского Союза Францией Монзи стремился сыграть роль посредника и контактера между Парижем и Москвой. Он рассматривал свой визит, осуществленный в СССР в августе — сентябре 1923 г., как шаг в реализации этой цели³¹. По итогам поездки французский сенатор настаивал на том, что долгосрочный мир в Европе «невозможен без России», а сотрудничество Франции с ней остается, как и в прошлом, «естественным законом европейского равновесия»³². Улавливая подобные настроения некоторых деятелей Третьей Республики, В. И. Ленин критически подчеркнул в одном из публичных выступлений, что «французам нужна сильная Польша и сильная Россия царского типа, и они готовы для этой цели принести все жертвы»³³.

В случае Эррио и де Монзи дискурс о традиционализации советского режима, о необходимости возродить стратегическую роль России в Европе, наконец, о росте умеренных воззрений среди большевистского руководства соседствовал с призывом нормализовать отношения между Парижем и Москвой. Предполагалось, что взаимодействие сначала может быть налажено в торгово-экономической, а затем и в политической сфере. Суммируя встречу с Эррио, состоявшуюся после его возвращения из РСФСР, посланник Франции в Польше Г. де Панафье отметил, что его собеседник «не скрывал восхищения перед познаниями, политической зрелостью, способностями и даже здравым смыслом и умеренностью многих [большевиков], в особенности Троцкого»³⁴.

Определенную роль здесь играли личные связи, демонстрировавшие французским политикам, что утрированный образ большевиков как варваров или мужиков с ножом в зубах, согласно известной пропагандистской афише, опубликованной в Третьей Республике в ноябре 1919 г., нередко был далек от реальности³⁵. В переписке с Чичериным Эррио с уверенностью писал: «...наши личные отношения, столь

³⁰ M. Édouard Herriot affirme sa fidélité à l'alliance franco-russe // *Le Monde*. 1954. 22 décembre.

³¹ Dessberg F. *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles, 2009. P. 22.

³² Цит. по: Conte F. *Un révolutionnaire-diplomate: Christian Rakovski. L'Union soviétique et l'Europe (1922–1941)*. Paris, 1978. P. 141.

³³ Ленин В. И. Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, 5 мая 1920 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 56 т. Т. 41. М., 1981. С. 114.

³⁴ Panafieu à Poincaré, 16 octobre 1922 // DDF. 1922. T. 2. Bruxelles, 2008. P. 408.

³⁵ *Le couteau entre les dents. 70 ans d'affiches communistes et anticommunistes / sous la dir. de Ph. Buton, L. Gervereau*. Paris, 1989.

искренне сердечные, облегчают наше общее дело на благо обоих наших народов»³⁶. Персональные связи Монзи с советским дипломатом Х.Г.Раковским, сыгравшие определенную роль в подготовке французского признания СССР, имели еще более давнюю историю: два деятеля познакомились в период обучения в университете Монпелье в 1890-х гг.³⁷

Советская Россия как результат симбиоза революционной идеологии и имперских целей: французские опасения

Отмеченные выше примеры традиционализации советской власти и государства Эррио и Монзи рассматривали преимущественно в умеренно-позитивном ключе как еще один стимул к советско-французскому сближению. Однако выявление предполагаемых черт сходства между Страной Советов и государством Романовых другими французскими современниками отнюдь не всегда интерпретировалось положительно. Можно вспомнить, что в 1917 г. отречение Николая II воспринималось рядом деятелей Третьей Республики скорее как возможность для нового взаимодействия российской и французской демократий, как предполагаемый стимул для российских военных усилий на фронтах Первой мировой войны³⁸. Министр вооружений Франции, социалист А.Тома даже писал, что после ухода Николая II с престола прекратились «внутренние страдания французских республиканцев», обусловленные наличием союза с авторитарно-монархическим государством³⁹.

В этом смысле традиционализация образа Советской России и обнаружение в ней черт, которые, как считалось, в чем-то роднили ее с Россией императорской, отнюдь не всегда были тождественны призыву сблизиться с Москвой. В ряде французских оценок начала 1920-х гг. присутствовала мысль о том, что большевизм может стать худшим сочетанием революционной активности и прошлых тенденций российской внешней политики, своего рода гибридом или симбиозом революционной идеологии и старых имперских целей.

В подробной справке, названной «Большевицкая угроза» (15 января 1920 г.) и составленной в стокгольмской резидентуре французской Разведывательной службы (функционировала в структуре 2-го бюро Генштаба армии), указанная мысль была проведена достаточно четко. Согласно авторам документа, «последние события, которые привели к отступлению “белых” армий и выходу большевистских сил на территории, составлявшие ранее старую Россию, самым очевидным образом поставили вопрос о признании правительства Советов и об угрозе, которое признание (даже де-факто) представит для Европы». Большевики, как сообщали сотрудники французской разведки, имели четкую программу действий, направлен-

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 7. С. 525.

³⁷ Schram S.M. Christian Rakovskij et le premier rapprochement franco-soviétique // Cahiers du monde russe et soviétique. 1960. Vol. 1, no. 4. P.215–216.

³⁸ Вершинин А. А. Русский союз глазами политических элит и общественного мнения Франции: между большой стратегией и идеологией (1891–1917 гг.) // Исторические исследования. 2020. № 15. С. 174–181.

³⁹ Journal de Russie d'Albert Thomas / publ. de I. Sinanoglou // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14, no. 1/2. P. 96.

ных на почти безграничную экспансию по тем векторам, которые уже существовали в прошлом: «Всячески стимулируя и потворствуя настоящему русскому национализму⁴⁰, способному придать России ее прошлую мощь, давая Красной армии уверенность в полной победе, допуская принципы крестьянской собственности, большевизм, со всеми его оппортунистическими тенденциями и пропагандистскими усилиями внутри и вовне, которым предоставляется щедрая помощь, превращается в колоссальную угрозу. Со временем эта угроза будет лишь нарастать»⁴¹.

Подобные настроения, присутствовавшие в резидентурах французской разведки, были зафиксированы и в документах вышестоящего 2-го бюро Генштаба армии. В справке данного ведомства от 1 января 1921 г. под названием «Большевизм и Азия» было отмечено, что «под предлогом обеспечения безопасности Советской России от угроз, которые может создать влияние Антанты на государства Закавказья, Москва на самом деле проводит империалистическую политику в Центральной Азии. Эта политика преследует двойную цель: национальную — возвращение России в границы 1914 г., и революционную — завоевание большевизмом (за счет советизации) малых государств, рожденных в результате распада Российской и Турецкой империй»⁴².

Французских военных волновало также возможное разыгрывание Москвой «славянской карты». Это могло стать еще одним элементом преемственности между внешней политикой России до и после 1917 г. В этом смысле одним из слабых звеньев во французской системе «санитарного кордона», имевшего антигерманскую и антисоветскую направленность, могла стать Чехословакия.

8 августа 1920 г., когда Париж опасался возможного взятия Варшавы Красной армией, генерал М. Пелле — глава французской военной миссии в Чехословакии и по совместительству глава Генштаба чехословацкой армии — убеждал руководство Третьей Республики не строить иллюзий по поводу вероятных действий Праги. Из разговора с Пелле начальник Генштаба французской армии генерал Э. Бю сделал следующий вывод: «Совершенно ясно, что чехи абсолютно твердо решили для себя, что ничего не предпримут против русских»⁴³.

Настрой Пелле коррелировал с посылками, содержащимися в документах Генштаба французской армии. В справке от 10 ноября 1920 г., составленной уже после того, как худшие опасения по поводу развития советско-польской войны прошли, тем не менее, было отмечено постоянство внешнеполитических установок Праги. Французские военные полагали, что как бы решительно чехословацкое правительство «ни было настроено опираться на Запад, это правительство не может заявить о своем антагонизме России, будь та советской, демократической или имперской»⁴⁴. Даже позже, во время проведения Генуэзской конференции, глава французской делегации, министр юстиции Л. Барту призывал оставшегося в Париже председате-

⁴⁰ Подчеркнуто в экземпляре справки, хранящемся в архивном фонде французской военной миссии на Кавказе.

⁴¹ Stockholm, C[ompte]R[endu]R[enseignements] No. 41, «Le danger Bolchevik», 15 janvier [1920] // Service historique de la défense (SHD) / Département de l'armée de terre (DAT), 7N 3120.

⁴² C[ompte]R[endu] et Synthèse de Renseignements du 2ème Bureau, «Le Bolchevisme et l'Asie», 1 janvier 1921 // SHD/DAT, 7N 3120.

⁴³ Journal du général Buat. P. 909.

⁴⁴ Mission militaire française auprès de la République Tchécoslovaque 1919–1939. Édition documentaire. Sér. 1. Vol. 4. Praha, 2009. P. 69.

ля Совета министров и министра иностранных дел Р. Пуанкаре не предпринимать слишком резких антисоветских шагов. Среди прочего Барту призывал подумать о том, чтобы не отталкивать от себя «Малую Антанту и Польшу — антибольшевицкие, но славянские страны, которые могут быть стеснены слишком открытыми и энергичными действиями, направленными против Советов»⁴⁵.

Размышляя о природе и специфике большевизма как нового исторического феномена, французские дипломаты и военные были склонны подчеркивать кардинальное значение пропаганды как инструмента распространения революции в руках советской власти. Это обстоятельство явно отличало Советскую Россию от императорской, а также крайне затрудняло, если не делало невозможным, с точки Парижа, выстраивание доверительных отношений с Москвой.

8 августа 1920 г. военный министр Франции А. Лефевр, веривший в почти безграничный масштаб революционного экспансионизма большевиков, стремился убедить в этом генерала Пелле. Лефевр подчеркивал, что «хотя большевики еще не утвердили свое влияние во всем мире и Европе», «вся система их пропаганды указывает на цели, к которым они стремятся»⁴⁶. В донесении от 28 декабря 1923 г., которое было отправлено в Париж, Мартель, по всей видимости разочаровавшийся в своих более ранних представлениях о возвращении советской власти к капитализму, отметил следующее обстоятельство. С точки зрения дипломата, «большевизм, несмотря на его эволюцию и НЭП, остается формой преимущественного активистского политического действия. Отказ от ведения пропаганды станет для российских коммунистов, среди которых экстремисты и доктринеры все еще сильны, отречением, на которое они не пойдут так скоро»⁴⁷.

Как считал ряд французских аналитиков, ставка на революционную пропаганду сочеталась в советской внешней политике с невиданной для императорской России постановкой вопроса об угнетенных народах и национальностях. В январе 1920 г. стокгольмская резидентура французской Разведывательной службы рисовала картину полномасштабной пропагандистской машины, созданной большевиками: «Центр внешнеполитической пропаганды находится в одном из московских издательств, где работают представители всех наций. Там издаются памфлеты, брошюры, газеты, которые переводят на все языки и диалекты, даже те, на которых говорят самые примитивные народы. В Москве на каждый народ отведена своя коммунистическая ячейка, где готовят агитаторов. Их задача — распространять большевицкие идеи даже в самых отдаленных уголках». Однако подчеркивание беспрецедентности подобных усилий соседствовало с осмыслением действий большевиков как «новой формы евангелизации, которую осуществляют красные миссионеры, подготовленные большевицким пропагандистским сообществом». Как итог, с точки зрения французских разведчиков, речь шла о гибриде старого и нового: «Внутри России большевики осознали всю роль, которую играет обучение народа. Они везде основывают школы и ведут пропаганду через слова и образы, адаптированные ко вкусам все еще неграмотного в основе своей населения. Везде разъезжают агитационные поезда — поезд Троцкого, поезд Ленина, поезд революции

⁴⁵ Barthou à Poincaré, 16 avril 1922 // DDF. 1922. T. 1. Bruxelles, 2007. P. 485.

⁴⁶ Journal du général Buat. P. 909.

⁴⁷ DDF. 1923. T. 2. Paris, 2013. P. 787.

и т. д. В каждой деревне афиши, нарисованные художниками, висят на стенах вместе с карикатурами на царя, попов и капиталистов. Большевистские плакаты проникают в избы и даже висят рядом с иконами, поражая воображение крестьян»⁴⁸.

Старые и новые методы управления страной

Французские наблюдатели находили следы определенной преемственности между Советской и имперской Россией не только в сфере внешней политики, но и в некоторых внутренних порядках в стране. Эта тенденция усиливалась по мере предполагаемого отхода большевиков от ранней революционной пропаганды. Считавшийся одним из экспертов по России, французский подполковник Р. Бюксеншютц, который в 1915–1917 гг. находился в Российской империи и тесно взаимодействовал с Главным управлением Генштаба Российской императорской армии, полагал в сентябре 1922 г., что методы госуправления несильно изменились по сравнению с прошлым. Он писал: «Если сегодняшняя Россия является еще более негостеприимной, мы должны понимать: в своей близорукой внешней политике коммунисты являются наследниками чиновников старого режима. Они усвоили их идеи, предрассудки, наглую манеру поведения, сутяжничество и нередко ксенофобию»⁴⁹.

Схожая тема присутствовала в начале 1922 г. и в спекуляциях французских дипломатов по поводу предполагаемой «ликвидации Чeka» (де-факто речь шла о формировании ГПУ с передачей ему основных полномочий ВЧК). В записках по данному вопросу, которые ложились на стол президента Франции А. Мильерана, нередко проводился тезис о том, что предполагаемая реформа означает возвращение «к положению дел, существовавшему при старом режиме». ГПУ в этом смысле рассматривалось в качестве аналога былой «охранки» (Отделения по охранению общественной безопасности и порядка)⁵⁰.

По мере консолидации внутри- и внешнеполитического положения советской власти тенденция на реставрацию ряда былых порядков, с точки зрения некоторых французских дипломатов, лишь укрепилась. Эта тема стала важной для подробного донесения о ситуации в СССР, отправленного 30 мая 1924 г. в Париж французским посланником в Эстонии Л. М. де Вьеном. Он рисовал противоречивую картину, характеризовавшуюся, с одной стороны, укреплением власти большевиков, а с другой — ее отходом от ряда первоначальных революционных доктрин.

С точки зрения де Вьена, «власть Москвы ныне не оспаривается, поскольку, кроме нее, ничего не существует». Вместе с тем он призывал свое руководство в Париже исходить из того, что «эта власть, не склонная к национализму, тем не менее, ввиду имманентных и органических потребностей должна осуществлять политику по защите государственных интересов. Свидетельством тому являются требования в отношении Бессарабии и замыслы применительно к странам Балтии, которые мало кто скрывает. Однако значительная часть русских поныне предпочитает ненавидимое правительство небытию. Таким образом, они присоединяются к со-

⁴⁸ Stockholm, CRR No. 41, «Le danger Bolchevik», 15 janvier [1920] // SHD/DAT, 7N 3120.

⁴⁹ Note de Buchsenschutz, 30 septembre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 38.

⁵⁰ Note «Suppression de la Tchéka», 27 février 1922; Note «Tchéka», s. d. [octobre 1922] // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 75, 85.

ветской власти». Де Вьен находил «среди [советских] служащих 2-го или 3-го звена проявления нового национализма, о котором говорят все больше»⁵¹.

Даже фиксируя разнообразные реальные или предполагаемые черты, роднившие Советскую и императорскую Россию, сотрудники Кэ д'Орсэ в начале 1920-х гг. понимали, что военно-экономический потенциал страны после революции и Гражданской войны находился в гораздо худшем состоянии, чем до 1917 г. Весьма подробная записка Сейду от 24 июня 1922 г., посвященная состоянию советской экономики, во многом была построена именно на сравнительном анализе положения дел в Советской и императорской России. Нередко изображая ситуацию как более плачевную, чем официальная статистика Страны Советов, французский эксперт констатировал серьезный упадок по сравнению с прошлым. Фиксируя последствия катастрофического голода, дефицит платежных средств и разрыв связей между городом и деревней, Сейду полагал, что в советских республиках было засеяно лишь 30 % обрабатываемых земель, что резко упала добыча угля — до 329 млн пудов (около 5,4 млн т)⁵² в 1921 г. по сравнению с 1752 млн пудов (около 28,7 млн т) в 1916 г., что нефтяная промышленность деградировала до уровня примерно 1880 г., а добыча в ней — до 1891 г. При этом «денежный голод», с точки зрения Сейду, «по своим последствиям был столь же разрушителен, как и недостаток зерна»⁵³.

Хотя Сейду отметил явный хозяйственный упадок, общая рамка представлений о месте Советского государства в мировой экономике, из которой исходил глава Департамента торговых отношений МИД Франции, а также ряд других сотрудников Кэ д'Орсэ, характеризовалась преемственностью с прошлым. Россия рассматривалась прежде всего как экспортер сырья и сельскохозяйственной продукции, серьезно зависевший при этом от импорта иностранных технологий и от получения зарубежных кредитов. От благополучия сырьевого экспорта и видов на урожай, как считали многие во французских дипломатических кругах, по сути, и зависело общее социально-экономическое и финансовое состояние страны. В июле 1925 г. первый посол Франции в СССР Ж. Эрбетт продолжал информировать Париж о положении дел в Советском Союзе, во многом базируясь на указанных выше допущениях: «Если следующий урожай не удастся экспортировать на хороших условиях или СССР не получит в достаточном объеме кредитов за рубежом для закупок промышленных товаров, в которых нуждаются крестьяне, но которые не могут обеспечить им советские заводы, для стабильности червонца может возникнуть угроза»⁵⁴.

Образ Советской России и интеллектуальный контекст начала 1920-х гг.

Хотя проанализированные суждения дипломатов и военных Третьей Республики, как правило, носили закрытый (секретный) характер, тем не менее интере-

⁵¹ DDF. 1924. T. 1. Paris, 2013. P. 509–510.

⁵² Рассчитано, исходя из соотношения 1 пуд = 16,381 кг.

⁵³ Магадеев И. Э. Советская Россия и баланс сил в Центрально-Восточной Европе в 1922 г.: взгляд французских дипломатов и военных // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14, № 3. С. 144–146.

⁵⁴ Herbette à Paris, 2 juillet 1925 // AMAE. 117 CPCOM 358. Fol. 127.

совавшие их проблемы, связанные с Советской Россией / СССР, были частью более широких общественно-политических дискуссий. К тому же государственные деятели и эксперты, задействованные в формировании внешней политики Парижа в отношении России, нередко и сами выступали очно, а также на страницах публицистических произведений и прессы.

Отмеченная выше двойственность оценок происходящего в Советской России была характерна не только для ведомственных документов, но и для интеллектуального дискурса Третьей Республики. При этом центральная для данной статьи проблема — восприятие сходств и различий между Советской и императорской Россией — отнюдь не занимала ключевого места на страницах французской прессы, так или иначе затрагивавшей вопросы отношений с большевиками.

В начале 1920-х гг., в период нахождения у власти правоцентристской коалиции, Национальный блок, конвенциональный общественно-политический дискурс, транслируемый, в том числе, газетой «Le Temps», которая отражала многие настроения французских элит, скорее был построен на резкой и нередко прямолинейной критике большевизма. Так, в 1920 г. «Le Temps» неоднократно писала о «страданиях российского населения»⁵⁵, ссылаясь на «голод, нищету и анархию» в России⁵⁶, сообщала о «подъеме террора» большевиков⁵⁷. Близкая МИД Франции тема советско-германского взаимодействия и страх перед тем, что «немцы смогут свободно организовать Советскую Россию в своих интересах», также присутствовала на страницах газеты⁵⁸. Подобные оценки, как правило, коррелировали со свидетельствами журналистов и путешественников, которым удавалось побывать в Советской России. Во многих из них, как, например, в очерке корреспондента газеты «L'Illustration» Р. Воше или в книге журналиста газеты «Excelsior» А. Лондра, также приводились описания нищеты, голода и жестоких сражений Гражданской войны⁵⁹. Одним из советских ответов на поток подобной информации стал очерк Р. Маршана — корреспондента газет «Le Figaro» и «Le Petit Parisien», перешедшего на сторону советской власти⁶⁰.

Вместе с тем начало НЭПа, активизировавшее размышления французских дипломатов о возможной эволюции большевизма, изменило настроения в некоторых общественно-политических кругах Третьей Республики. Как отмечалось в отчете Народного комиссариата по иностранным делам «Международная политика РСФСР в 1922 г.», «даже до сих пор непримиримые враги России, как газета “Тан”, начинают бить тревогу по вопросу о неправильном отношении Франции к Советской России и высказываются за сближение с последней»⁶¹. Ярким отражением таких настроений стала книга «Новая Россия», написанная Эрри по результатам его визита в РСФСР⁶². Он полагал, что НЭП ведет не только к постепенному улучшению

⁵⁵ Bulletin du jour. L'expérience en Russie // Le Temps. 1920. 18 janvier.

⁵⁶ La campagne révolutionnaire // Le Temps. 1920. 15 août.

⁵⁷ Recrudescence de la terreur en Russie // Le Temps. 1920. 15 août.

⁵⁸ Bulletin du jour. L'explication franco-britannique // Le Temps. 1920. 13 août.

⁵⁹ Vaucher R. L'Enfer bolchevique. À Petrograd sous la commune et la terreur rouge. Paris, 1919; Londres A. Dans la Russie des Soviets [1920]. Paris, 2012.

⁶⁰ Marchand R. Pourquoi je me suis rallié à la formule de la Révolution sociale. Petrograd, 1919.

⁶¹ Цит. по: Ревякин А. В. 1922–1924: за кулисами дипломатического признания // Россия и Франция. XVIII–XX вв. Вып. 1. М., 1995. С. 218.

⁶² Herriot É. La Russie nouvelle.

экономической ситуации в Советской России, к ее растущей заинтересованности в иностранных капиталах, но и к политической трансформации большевистского режима, который французский политик, тем не менее, продолжал критиковать как недемократический. Подобным настроениям противостояли не только правые и крайнеправые СМИ Франции, но и представители российской антисоветской эмиграции. Маклаков клеймил французов, считавших, что «большевики эволюционируют» за «безграничное легкомыслие и невежество»⁶³. Бывший председатель Совета министров и министра финансов Российской империи В. Н. Коковцов и в 1925 г. на страницах влиятельного журнала «Revue des deux mondes» стремился доказать, что советская экономика находится на грани краха⁶⁴.

Проблема соотношения между старым и новым в России относилась к числу не самых удобных тем как для левых общественно-политических деятелей, так и для правых, поскольку нередко она вносила определенную сумятицу в транслируемый ими ценностно-идеологический посыл. Те представители левых и крайнелевых сил (прежде всего — французские коммунисты), которые выступали за сближение с СССР, отнюдь не были поклонниками императорской России и сторонились того, чтобы проводить прямые параллели между двумя государствами. Для правых политиков Третьей Республики, склонных подчас с некоторой ностальгией вспоминать о Российской империи как о союзнице против Германии (что отнюдь не вело к восторженному отношению ко внутренним порядкам и устройству империи), подобные параллели также были чужды, но по другой причине. Они видели в Советском государстве, вызывавшем у них резкие антипатии, не продолжение, а антипод империи Романовых.

Для характеристики части таких настроений была показательна последняя фраза дневника бывшего посла Франции в России М. Палеолога, опубликованного в 1922 г.: «Плачь, святая Россия, плачь! Ты скоро умрешь»⁶⁵. Рупор крайнеправой политической группы «Action française» расценивал визит Эррио в РСФСР как неудачный и не видел перспектив для налаживания отношений с Москвой⁶⁶. В начале 1920-х гг. Ж. Бенвиль — ведущий внешнеполитический эксперт «Action française», известный своими антигерманскими настроениями — продолжал видеть в Советской России квазисоюзника Германии. Он считал, что новый альянс на антигерманской основе возможен не с большевиками, а с белыми: «Дружественная и союзная Россия далеко. Сейчас она в Крыму с Врангелем», — писал он 9 сентября 1920 г.⁶⁷

Подытоживая анализ сходств и различий между Советским государством и Российской империей в том виде, как их представляли себе французские дипломаты и военные в начале 1920-х гг., можно констатировать весьма противоречивое положение дел.

С одной стороны, ряд представителей Третьей Республики в центре и на местах считал, что большевизм отходит от изначального радикализма, переживает (особенно после начала НЭПа) внутренние процессы своеобразной традициона-

⁶³ Маклаков — Бахметеву, 5 апреля 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 247.

⁶⁴ *Kokovtsov W. Le septennat de la dictature bolchévique. L'industrie nationalisée // Revue des deux mondes. 1925. 15 août. P. 787–811.*

⁶⁵ *Paléologue M. La Russie des Tsars pendant la Grande guerre: en 3 t. T. 3. Paris, 1922. P. 348.*

⁶⁶ *Causerie économique et financière // Action française. 1922. 5 novembre.*

⁶⁷ Цит. по: *Молодяков В. Э. «Action française» против франко-русского и франко-советского союза: взгляд Жака Бенвиля // 130 лет франко-русскому альянсу. С. 150.*

лизации и нормализации. Отдельные внешнеполитические действия Москвы интерпретировались как вписывавшиеся в русло «реальной политики», а некоторые цели большевиков на международной арене — как пересекавшиеся с традиционными интересами России. С точки зрения ряда французских политиков и экспертов, схожей с дореволюционной должна была стать и стратегическая роль в Европе, которую могла сыграть небошевистская или глубоко трансформировавшаяся Россия — выступить восточным противовесом Германии.

С другой стороны, представления о традиционализации советской власти и о нарастании черт ее сходства с прошлым политическим режимом имели в начале 1920-х гг. очевидные пределы. Такие явления, как пропаганда и поддержка угнетенных колониальных народов, продолжали рассматриваться французскими военными и дипломатами как органически присущие политике большевиков. Отказ от них, если следовать подобной логике, означал крах и самого исторического феномена «большевизма» (хотя его толкование нередко оставалось размытым). Очевидным для французских наблюдателей была деградация военно-экономического потенциала Страны Советов по сравнению с Российской империей в сложнейших условиях революции, Гражданской войны и голода.

Амбивалентность характеризовала французские оценки и в еще одном отношении. Если для таких деятелей Третьей Республики, как Эррио и Монзи, обнаружение нормализации советской власти было дополнительным стимулом к налаживанию отношений между Москвой и Парижем, то другие их современники (особенно среди военных и разведчиков) делали выводы иного порядка. Для них речь потенциально могла идти о своеобразном гибриде революционной идеологии и имперского наследия, о преследовании большевиками традиционных стратегических целей с новым рвением и усилием. Подобные дискуссии по взаимосвязанным вопросам о нормализации советской власти, вступлении ее в своеобразный симбиоз с российской исторической традицией во многом будут характерны для французских дипломатов и военных на протяжении всего межвоенного периода, а отчасти и в последующие годы.

References

- Achkinazi B. A. Problema bezopasnosti Frantsii posle okonchaniia Pervoi mirovoi voiny. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2020, vol. 64, issue 3, pp. 107–129. (In Russian)
- Beneteau A. Servir les intérêts français en plein chaos révolutionnaire: Étude des attachés militaires en Russie, 1916–1920. *Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin*, 2018, issue 47, pp. 61–72.
- Carley M. J. *Tainaia voina: Zapad protiv Rossii, 1917–1930*. Moscow, Istoricheskaia literatura Publ., 2019, 768 p. (In Russian)
- Carley M. J. The Politics of Anti-Bolshevism: The French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920. *The Historical Journal*, 1976, vol. 19, issue 1, pp. 163–189.
- Coeuré S. *La Grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939)*. Rééd. Paris, CNRS Éditions, 2017, 359 p.
- Coeuré S. Russkie ili bol'sheviki? Frantsiia i frantsuzy i priznanie Sovetskogo Soiuz. *Rossiiia — Frantsiia: 300 let osobykh otnoshenii*. Moscow, ROSIZO Publ., 2010, pp. 207–215. (In Russian)
- Conte F. *Un révolutionnaire-diplomate: Christian Rakovski. L'Union soviétique et l'Europe (1922–1941)*. Paris, Mouton, 1978, 355 p.
- Davion I. Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939. *Revue historique des armées*, 2010, issue 260, pp. 54–64.

- Dessberg F. *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles, Peter Lang, 2009, 440 p.
- K 100-letiiu vvedeniia Novoi Ekonomicheskoi Politiki v Sovetskoj Rossii, ed. by L. S. Belousov. Moscow, Istoricheskii fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2022, 331 p. (In Russian)
- Lavrenova A. V. Poezdka Eduarda Errio v Sovetskuiu Rossiiu v 1922 godu (po novym arkhivnym materialam). *Novaia i noveishaia istoriia*, 2014, issue 4, pp. 57–68. (In Russian)
- Lavrenova A. V. Posredniki ili avantiuristy? Sovetsko-frantsuzskie kontakty v period nepriznaniia (1917–1924 gg.). *Rossii i Frantsiia. XVIII–XX veka*, vol. 12. Moscow, Ves' mir Publ., 2017, pp. 176–195. (In Russian)
- Le couteau entre les dents. 70 ans d'affiches communistes et anticommunistes*, eds Ph. Buton, L. Gervereau. Paris, Éditions du Chêne, 1989, 159 p.
- Magadeev I. E. G. V. Chicherin v otsenkakh frantsuzskikh diplomatov i publitsistov (1918–1924). *Rossiiskaia istoriia*, 2022, issue 5, pp. 147–159. (In Russian)
- Magadeev I. E. Sovetskaia Rossiia i balans sil v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope v 1922 g.: vzgliad frantsuzskikh diplomatov i voennykh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia XXV. Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, 2022, vol. 14, issue 3, pp. 128–162. (In Russian)
- Mazuy R. *Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939)*. Paris, Odile Jacob, 2002, 370 p.
- Popova S. S. "Oni gotovy vozobnovit' bor'bu": Voennoe ministerstvo i MID Frantsii o beloi emigratsii v Vengrii. 1920–1921 gg. *Istoricheskii arkhiv*, 1996, issue 1, pp. 41–70. (In Russian)
- Reviakin A. V. 1922–1924: za kulisami diplomaticheskogo priznaniia. *Rossii i Frantsiia. XVIII–XX veka*, vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 217–237. (In Russian)
- Roszbach S. The Cold War, the Decline of the West, and the Purpose of 'Containment': The Political Philosophy of George F. Kennan. *Politics, Order, and History. Essays on the Work of Eric Voegelin*. Sheffield, Academic Press, 2001, pp. 144–184.
- Schram S. M. Christian Rakovskij et le premier rapprochement franco-soviétique. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1960, vol. 1, issue 4, pp. 205–238.
- Vatlin A. Iu. Ugroza mirovogo bolshevizma v otsenkakh MID Germanii, 1918–1919 gg. *Pervaia mirovaia voina — prolog XX veka*. Pt. 1. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN Press, 2014, pp. 61–64. (In Russian)
- Vershinin A. A. Russkii soiuz glazami politicheskikh elit i obshchestvennogo mneniia Frantsii: mezhdubols'hoi strategiei i ideologii (1891–1917 gg.). *Istoricheskie issledovaniia*, 2020, issue 15, pp. 174–181. (In Russian)
- Vershinin A. A. SSSR i Krasnaia armii glazami voennogo attashe Frantsii E. Mandra. 1933–1934 gg. *Noveishaia istoriia Rossii*, 2021, vol. 11, issue 3, pp. 686–704. (In Russian)
- Vidal G. *Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917–1939*. Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2015, 307 p.
- Voina, revoliutsiia, mir. Rossiia v mezhdunarodnykh otnosheniakh. 1915–1925*, ed. by A. V. Reviakin. Moscow, Aspekt Press, 2019, 496 p. (In Russian)
- Vrag, protivnik, soiuznik? Rossiia vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.*, vol. 1, ed. by A. Iu. Pavlov. St. Petersburg, Rossiiskaia gosudarstvennaia gumanitarnaia akademiia Press, 2021, 705 p. (In Russian)
- Vrag, protivnik, soiuznik? Rossiia vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.*, vol. 2, ed. by A. Iu. Pavlov. St. Petersburg, Rossiiskaia gosudarstvennaia gumanitarnaia akademiia Press, 2021, 892 p. (In Russian)
- Wandycz P. S. *The Twilight of French Eastern Alliances 1926–1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland*. Princeton, Princeton University Press, 1988, 556 p.
- 130 let franko-russkomu al'iansu: problemy i vyzovy dvustoronnego sotrudnichestva*, ed. by Iu. M. Galkina. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022, 304 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2023 г.

Рекомендована к печати 10 апреля 2024 г.

Received: November 8, 2023

Accepted: April 10, 2024